

Ма Е очнулся глубокой ночью. Открыв глаза, он увидел, что небо усыпано ослепительно красивыми звездами.

Цзун Цин беззаботно бросила его в свои объятия, небрежно швырнула в костер еще одну ветку.

Ма Е опешил, а потом резко вскочил и сел как можно дальше от Цзун Цин, вытаращив глаза:

— Ты что творишь!

У Цзун Цин дернулся уголок рта. Что за реакция, будто она с ним что-то сделала? Да если бы она и вправду хотела с ним позабавиться, разве позволила бы ему уснуть и ничего не знать? Для легкой садистки — а она искренне считала себя легкой — слушать радостные вопли было необходимо, иначе игра теряла всякий смысл!

Так что не стоило винить Ма Е за такую реакцию. С таким человеком, как Цзун Цин, рядом с ней действительно было очень напряжно.

— Ты, мелкий сопляк без единой крупинки силы, мне совершенно не интересен! — Цзун Цин протянула руку и грубо притянула его к себе, так что он невольно попытался сопротивляться.

Цзун Цин наклонилась, и на её мужеподобном, но красивом лице появилась тень жестокой, холодной улыбки. Она прошептала ему на ухо:

— Однако сегодня ты меня очень порадовал! Кровь залила землю, столько жизней — ты пренебрёг советом И По Цяньдая и легко отнял их, хе-хе! Хотя твой метод убийства всё ещё отвратителен, но это было неплохое представление.

— Замолчи! — тело Ма Е мгновенно окаменело.

— Но И По Цяньдай, похоже, очень разочарован в тебе! Иначе не бросил бы тебя в такой ситуации и не ушёл, — злорадно улыбнулась Цзун Цин. — Ах да! Впрочем, даже если бы он остался, это не помогло бы. Ты пренебрёг его советом, предался кровавой бойне и погрузился во тьму — ты больше никогда его не увидишь.

Тело Ма Е задрожало, он закрыл уши руками:

— Замолчи! Замолчи! Замолчи! — в его голосе послышались слёзы. — Всё не так! Я не!

— Чего не? Людей убил ты, собственноручно, — Цзун Цин с интересом наблюдала за ним.

Ма Е лишь дрожал и тихо всхлипывал.

Его беспомощный вид заставил Цзун Цин потерять всякий интерес. К тому же это дрожащее

детское тело ясно говорило ей, что она издевается над маленьким ребёнком.

Цзун Цин скривила губы и кое-как взъерошила Ма Е волосы:

— Ладно, я пошутила. И По Цяньдай не злится. Он очень за тебя волнуется и просил меня позаботиться о тебе. Кстати, — Цзун Цин с досадой продолжила, — он попросил такого человека, как я, заботиться о тебе! Он не просто слепой, у него вообще, видимо, и глаз-то нет!

Ма Е не обратил на неё внимания, продолжая сидеть, закрыв уши и сжавшись в комок, слегка дрожа.

Цзун Цин умела утешать, но только своих любовников. Кто ж её научил утешать детей, да ещё и ребёнка, которого она только что довела до слёз?

Ма Е всё так же сидел, не подавая признаков жизни.

Цзун Цин попыталась его успокоить, но безуспешно. Тогда она схватила его за подбородок и, заставив поднять голову, произнесла по слогам:

— Прекрати реветь!

Огромное давление вызвало не только психологический дискомфорт — на этот раз Ма Е действительно почувствовал, что тело начинает болеть.

Увидев, что он заплакал ещё сильнее, Цзун Цин убрала излучаемую ауру и растерянно уставилась на Ма Е.

Она ещё неуклюже пыталась его успокоить, но безрезультатно, и в конце концов ей это надоело.

Цзун Цин с крайним недоумением посмотрела на Ма Е и, поразмыслив, пришла к выводу: а с какой стати ей волноваться, плачет этот кролик или нет? Даже если он умрёт от слёз, она просто лишится забавной игрушки, чтобы скоротать время.

Поэтому она совершенно спокойно отодвинула Ма Е в сторону, повернулась и легла спать.

Ма Е сидел на холодной земле, обхватив колени. Ночной ветер заставлял его дрожать от холода. Он вспоминал свою жизнь с матерью в маленькой деревушке — бедную, но счастливую и спокойную, — будто это было вчера. А теперь он сидит здесь один-одинёшенек, никому не нужный.

Он уткнулся лицом в колени и тихо всхлипнул.

Всё же он был всего лишь ребёнком. Каким бы взрослым ни казался, он оставался ребёнком.

А дети нуждаются во взрослых, и самое главное — в защите и ласке матери.

Цзун Цин слушала эти сдавленные рыдания и раздражалась всё сильнее. Вообще-то она любила доводить людей до слёз, но терпеть не могла, когда кто-то хнычет рядом, когда она собирается спать. Слишком шумно!

Она резко села.

Ма Е в страхе съёжился.

Он боялся её. Кто угодно боялся бы находиться рядом с этой женщиной, такой непредсказуемой, своевольной и жестокой, и при этом настолько сильной, что сравниться с ней мог разве что всемогущий бог из легенд.

Но он же и зависел от неё. Потому что, хотя она постоянно его дразнила и обижала, она же помогла ему отомстить, держала при себе и не требовала той грязной платы, о которой когда-то говорила.

Поэтому восхищение, зависимость, страх, отвращение — его чувства к Цзун Цин были настолько сложны, что он и сам не мог в них разобраться.

Цзун Цин посмотрела на Ма Е, который от страха инстинктивно отодвинулся, и заставила себя подавить желание просто прикончить его, чтобы в мире стало тихо. Стиснув зубы, она выдавила улыбку:

— Не смей реветь! Спать!

Улыбка вышла натянутой и скорее зловещей, по крайней мере, Ма Е был совершенно напуган.

Обычно, если такой красавчик, как Ма Е, не мешал Цзун Цин по-настоящему, она, при всей своей любви к битвам и убийствам, не трогала его.

У Цзун Цин красивые люди всегда имели привилегии.

Цзун Цин очень интересовали сильные, красивые и хладнокровные люди. При этом чем сильнее был человек, тем больше ей хотелось его мучить; чем красивее — тем больше хотелось разрушить эту красоту; чем хладнокровнее — тем больше хотелось довести до слёз.

Короче говоря, Цзун Цин была прирождённой, неисправимо подлой стервой.

Ма Е прикусил губу, сдерживая слёзы, но сразу остановиться не мог и всхлипывал ещё жалобнее.

Цзун Цин раздражало это до крайности. Если бы этого маленького красавчика можно было просто выбросить и он бы не погиб, она бы так и сделала — ведь красота драгоценна и должна быть защищена, Цзун Цин всегда так считала.

Но ей и в голову не приходило, что надо бы сначала подумать, а не доводить ребёнка до слёз. Не издевайся она над ним, ничего бы и не было!

Цзун Цин взъерошила волосы, с трудом успокаиваясь — в делах, не касающихся её лично, у неё обычно не было терпения. Она села рядом с Ма Е и, неуклюже вспоминая методы утешения из психологии, похлопала его по спине.

Но не успела она использовать Ма Е как подопытного для психологических экспериментов, как вокруг внезапно потемнело.

Цзун Цин убрала руку, приподняла бровь и усмехнулась:

— Я думала, здесь можно поймать только карася на ужин, а вместо этого на крючок попалась акула!

<http://bllate.org/book/20834/2099548>